

99 дней

Автор:

Кэти Котуньо

99 дней

Кэти Котуньо

99 дней #1Вместе и навсегда

Вернувшись в родной городок Стар-Лейк, Молли Барлоу не ожидала, что бывшая лучшая подруга так и не простила ее. Конечно, Джуллия Доннели имеет на это полное право, ведь Молли разбила сердце ее брату. Похоже, теперь девушку ждет не самое приятное лето, но, в конце концов, это всего лишь 99 дней, после которых с прошлым будет покончено навсегда.

Кэти Котуньо

99 дней

Katie Cotugno

99 Days

© 2015 by Alloy Entertainment and Katie Cotugno

© О. Медведь, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Эта книга для девочек.

День 1

В первый вечер после моего возвращения в Стар-Лейк Джулия Доннелли закидывает наш дом яйцами, и поэтому я понимаю, что никто ничего не забыл.

– Настоящая торжественная встреча, – говорит мама, выйдя из дома на лужайку, встает рядом и обводит взглядом жидкую склизкую жижу, стекающую с кособоким викторианским сирени. По всем окнам дома размазаны желтки. В кустах валяется скорлупа. Сейчас немногим больше десяти утра, а все это уже начинает пованивать гнилью и серой и запекаться на раннем летнем солнце. – Им, наверное, пришлось идти за этими яйцами в Costco.

– Ты можешь перестать? – Мое сердце колотится. Я уже забыла, точнее, попыталась забыть, какой была моя жизнь до того, как год назад я сбежала отсюда: распланированный с беспощадной точностью террор Джулии с целью привлечения меня к ответу за все мои тяжкие преступления. Ноги в ботинках на шнуровке вспотели. Оглядываюсь на спящую улицу за пределами длинной обдуваемой ветром подъездной дорожки, отчасти ожидая увидеть, как она проезжает мимо на древнем семейном «Бронко» и любуется своей работой. – Где шланг?

– Ох, оставь. – Маме, конечно же, совершенно все равно. Вскинув голову с копной волнистых светлых волос, она дает мне понять, что я слишком остро реагирую. Когда дело касается мамы, все не так уж важно: президент США мог бы закидать ее дом яйцами, сам дом мог бы сгореть, и это было бы для нее сущим пустяком. Это отличная история, говорила она мне, когда я ребенком приходила сообщить о какой-нибудь несправедливости: что в школе все по-прежнему или что меня последней выбрали для игры в баскетбол. Запомни это, Молли. Однажды я придумаю отличную историю. Мне ни разу не приходило в голову

спросить, кто из нас будет рассказчиком. – Я попрошу Алекса прийти днем и убрать это.

– Ты смеешься? – визгливо спрашиваю я. Мое лицо покраснело и покрылось пятнами. В данный момент мне лишь хочется уменьшиться до размеров пылинки, но я ни за что не позволю маминому разнорабочему смывать с дома наполовину готовый омлет только из-за того, что все в городе считают меня шлюхой и не преминут напомнить об этом. – Мам, я спросила, где шланг.

– Следи, пожалуйста, за тоном, Молли. – Она качает головой. Я чувствую ее запах, спрятавшийся между запахами яиц и сада: духи с ароматом лаванды и сандала, которыми она пользовалась с моего рождения. Мама совсем не изменилась с тех пор, как я уехала: по серебряному кольцу на каждом пальце, тонкий черный кардиган и порванные джинсы. Ребенком я считала маму самой красивой женщиной в мире. Когда она ездила в турне и читала свои романы в магазинах Нью-Йорка, Чикаго и Лос-Анджелеса, я лежала на животе в гостиной Доннелли и рассматривала авторские фотографии на обложках всех ее книг. – Даже не смей меня обвинять. Не я сделала это с тобой.

Я поворачиваюсь к ней, стоя на траве – находясь в том месте, куда ни за что на свете не хотела бы возвращаться.

– А кого мне тогда обвинить? – спрашиваю я. На секунду я позволяю себе вспомнить то холодное противное чувство, когда, учась в одиннадцатом классе, увидела в апреле статью в «Пипл». Там были самые ужасные и шокирующие сцены из романа и блестящая фотография моей мамы, на которой она прислонилась к столу: последний роман Дианы Барлоу «Дрейфующая» был основан на сложных отношениях ее дочери с двумя местными парнями. Пришло понимание, что теперь все тоже будут об этом знать. – Кого?

На мгновение мама кажется очень уставшей, даже старше, чем я думаю: какой бы эффектной она ни была, она удочерила меня в возрасте сорока лет, и теперь ей ближе к шестидесяти. Но потом она моргает, и усталость исчезает.

– Молли...

– Слушай, не надо.

Я поднимаю руку, чтобы остановить ее; мне совершенно не хочется это обсуждать. Хочется оказаться в каком-нибудь другом месте, не здесь. Девяносто девять дней между сегодняшним и первым днем первого семестра в Бостоне, напоминаю я себе. Пытаюсь глубоко вдохнуть и не сдаться непреодолимому желанию рвануть к ближайшей автобусной станции настолько быстро, насколько позволят ноги. Разумеется, не так быстро, как они смогли в прошлом году. Девяносто девять дней, и я уеду в колледж.

Мама стоит во дворе и смотрит на меня: она как всегда босиком, темные ногти и тату розы на лодыжке – эдакий микс Кэрол Кинг и первой леди байкерской команды. Однажды это станет отличной историей. Она сама мне это сказала, призналась в том, что последует, так что нет никаких причин через столько времени недоумевать, что я рассказала ей самый важный секрет в своей жизни, а она написала об этом бестселлер.

– Шланг в сарае, – наконец отвечает она.

– Спасибо.

Сглатываю вязкий ком в горле и направляюсь на задний двор, морщась из-за неприятного пота, собравшегося на поясице. И, спрятавшись в сине-серой тени дома, позволяю себе заплакать.

День 2

На следующий день я прячусь в своей комнате с закрытыми занавесками, ем лакричные конфеты и смотрю на ноутбуке странные документальные фильмы на Netflix, точно раненый беглый преступник из последней трети фильма Клинта Иствуда. Вита, мамина строптивая старая кошка, входит и выходит, когда ей вздумается. Здесь все точно так же, как я оставила: сине-белые обои в полоску, яркая желтая чашка, пушистое серое одеяло на кровати. Над столом, прямо возле доски с приколотым расписанием занятий по легкой атлетике висит фотография. Ее сделали в фермерском доме Доннелли, на ней – Джулия, Патрик, Гейб и я, мой рот открыт от смеха. Рядом – картина, нарисованная маминим другом-дизайнером, когда я была еще ребенком. Даже расческа, которую я забыла взять с собой во время безумного побега из Стар-Лейк после выхода

статьи, все еще лежит на комод, словно ждет, что я приползу сюда с кучей колтунов в волосах.

Я не могу отвести взгляда от этой фотографии, к ней как будто прикреплен какой-то магнит, притягивающий мое внимание с другого конца комнаты. Наконец вытаскиваю себя из кровати и снимаю ее, чтобы рассмотреть поближе: она была сделана летом перед девятым классом, на семейной вечеринке. Мы с Патриком тогда встречались. Вчетвером – я и тройка Доннелли – мы устроились на старом убогом диване в сарае за домом, Джулия отпускает какую-то шутку, а Патрик обвил меня рукой за талию. Гейб смотрит прямо на меня, хотя до произошедшего я никогда этого не замечала. Держа в руках эту дурацкую фотографию, я словно сыплю соль на рану.

Я знаю, что Патрика этим летом нет дома – тайком слежу за ним на Фейсбуке. Он участвует в какой-то волонтерской программе в Колорадо, расчищает заросли и учится бороться с лесными пожарами. Он об этом мечтал с тех пор, когда мы маленькими детьми бегали по лесу за домом его родителей. Так что столкнуться с ним в городе в любом случае невозможно.

И, наверное, нет никаких причин из-за этого расстраиваться.

Кладу фотографию на стол картинкой вниз и прячусь обратно под одеяло, скинув Виту на ковер – в мое отсутствие эта комната принадлежала ей и собаке, о чем совершенно ясно намекнул налипший слой шерсти. В детстве мне казалось, что я – принцесса, спрятанная на третьем этаже башни маминого старого, заселенного привидениями дома. Теперь же, через неделю после выпускного, я снова так себя чувствую – запертой в волшебной башне, откуда совершенно некуда выбраться.

Достаю из пакетика последнюю конфету, и в этот момент кошка запрыгивает на лежащую рядом подушку.

– Уйди отсюда, Вита, – приказываю я, снова скидываю ее и закатываю глаза, когда она, дернув хвостом, важно выходит за дверь. Мне кажется, она почти сразу же покажется снова.

День 3

Вита не показывается.

День 4

Имоджен тоже. Когда я узнала о своем приговоре провести в Стар-Лейк все лето, мысль о встрече с ней была единственным, что придавало мне терпения, но пока мои сообщения «Привет, я вернулась» и «Давай погуляем» остались без ответа. Возможно, она тоже меня ненавидит. Мы с Имоджен дружили с первого класса, и в конце одиннадцатого она довольно сильно меня поддержала: сидела вместе со мной в школьной столовой, тогда как все остальные за нашим столом загадочно исчезли, а перешептывания превращались во что-то похуже. Правда в том, что я не предупредила ее о том, что уехала в Бристоль – частную школу для девочек, спрятавшуюся, точно ракетная база, посреди пустыни возле Темпе, штат Аризона.

Точнее, смоталась под покровом темноты.

К следующему дню я уже девяносто шесть часов находилась без человеческого общения, поэтому, когда мама стучится в дверь и сообщает, что придет уборщица, я достаю из стопки вещей, уже скопившихся на полу, чистые шорты. Мои футболки и нижнее белье все еще лежат в огромной спортивной сумке. Вероятно, ее все же придется распаковать, хотя, по правде говоря, я бы лучше три месяца жила на чемодане. Присев на корточки, замечаю под стулом старые кроссовки. Шнурки все еще завязаны с последнего раза, когда я их надевала: в тот день, когда вышла статья, все случилось внезапно. Я считала, что каким-то образом смогу обогнать национальную публикацию. И убежала настолько резко и быстро, насколько смогла.

Меня стошнило на пыльной обочине дороги.

Уф. Из всех сил стараюсь выбросить это воспоминание из головы, хватаю фотографию с троицей Доннелли – она все еще лежит на столе изображением вниз – и засовываю подальше в ящик комода. Затем зашнуровываю ботинки и

еду в центр Стар-Лейк на старом «Пассате».

На улице достаточно прохладно, чтобы открывать окна, но, направляясь к небольшому островку цивилизации, который представляет из себя центр города, даже через выстроившиеся вдоль дороги сосны чувствую слегка заплесневелый запах озера. Главная улица города небольшая и находится в беспорядке, повсюду закусочные и запущенные продуктовые магазины, а роллердром не открывался с самого 1982 года. Примерно с тех пор сюда никто не приезжает отдохнуть. В шестидесятых и семидесятых прибрежная полоса озера с бесконечной зеленой ниткой гор Катскилл была популярным местом отдыха, но, сколько я себя помню, в Стар-Лейк всегда сохранялась атмосфера того города, каким он был до этого. Словно, отправляясь на веселый отдых, ты по ошибке попадаешь на медовый месяц бабушки и дедушки.

Я ускоряюсь, проезжая мимо пиццерии Доннелли, и чуть опускаюсь на сиденье, будто я – член уличной банды, пока не останавливаюсь у кофейни «Френч Роуст». Там с девятого класса работала Имоджен. Открываю дверь навстречу запаху свежемолотых зерен и какой-то мрачной песне на радио. Здесь почти пусто, наступил период затишья. Имоджен стоит за стойкой, темные волосы падают на глаза, но вот она поднимает голову на звон колокольчиков, и на ее симпатичном лице отражаются вина и паника, которые она быстро прячет.

– О господи, – произносит подруга, придя в себя, обходит стойку, быстро и аккуратно обнимает меня. Затем, придерживая за плечи, выпрямляет руки, точно двоюродная бабушка, желающая посмотреть, как я выросла. И это в буквальном смысле мой случай: после отъезда в Аризону я набрала семь килограммов. И хоть она ничего не говорит, я чувствую, как она оценивает меня. – Ты здесь!

– Я здесь. – Мой голос звучит странно и фальшиво. На ней тонкое платье, поверх которого надет фартук, сбоку на руке темно-синее пятно, словно она допоздна рисовала пером один из портретов – так же, как в детстве. Я каждый год покупаю ей на день рождения новый набор навороченных маркеров. А в Темпе я зашла в интернет-магазин и оформила доставку. – Ты получила мои сообщения?

Имоджен то ли кивает, то ли качает головой – непонятно.

– Да, мой телефон в последнее время как-то странно себя ведет, – говорит она, голос в конце повышается, будто она не уверена. Затем подруга как всегда изящно пожимает плечами, хотя со средней школы роста в ней сто восемьдесят сантиметров. И при этом ее никогда не дразнили. – Надо купить новый, этот совсем уже плох. Идем, сделаю тебе кофе.

Она огибает стойку, проходя мимо подставки с чашками для желающих посидеть на продавленных диванах, и передает мне стаканчик на вынос. Я не уверена, намек это или нет. Она отмахивается, когда я пытаюсь расплатиться.

– Спасибо, – говорю я, беспомощно улыбаясь. Не привыкла перекидываться с ней парой слов. – Так что, школа дизайна?

Я видела в Инстаграме ее фотографию, на которой она улыбается в толстовке Род-Айлендской школы дизайна – значит, осенью она уедет туда. Когда слова срываются с губ, я понимаю, как дико, что я узнала об этом таким образом. Когда-то мы рассказывали друг другу все – точнее, почти все.

– Осенью мы станем соседями, Провиденс и Бостон.

– Ох, да, – как-то отрешенно произносит Имоджен. – Кажется, там час езды, да?

– Да, но час не так уж много, – неуверенно отвечаю я. Между нами словно река, и я не понимаю, как выстроить мост. – Слушай, Имоджен... – начинаю я, а потом неловко замолкаю. Мне хочется извиниться, что пропала с радаров, хочется рассказать о маме и Джулии, о том, что я здесь еще на девяносто пять дней и боюсь. О том, что мне нужны союзники. Мне хочется рассказать Имоджен все, но не успеваю я вымолвить хотя бы слово, как из кармана ее фартука доносится предательский сигнал входящего сообщения.

Вот тебе и неисправный телефон. Имоджен густо краснеет.

Я глубоко вдыхаю.

– Ладно, – говорю я, пряча за ухо непослушные, волнистые каштановые волосы, и в этот момент открывается дверь. В кофейню протискивается целая компания женщин в одежде для йоги, которые принимаются заказывать низкокофеиновые

напитки с обезжиренными сливками.

– Увидимся, хорошо? – спрашиваю, пожав плечами. И моджен кивает и машет на прощание.

Я выхожу к припаркованной машине, целенаправленно игнорируя огромную вывеску «МЕСТНЫЙ АВТОР!» на стекле небольшого книжного магазина через улицу. «По невероятно низкой цене в \$6.99!» – плюс мое достоинство – можно приобрести миллион копий «Дрейфующей» в мягкой обложке. Я столько внимания уделяю тому, чтобы игнорировать ее, что лишь в последнюю секунду замечаю засунутую под дворники записку. Это послание от Джулии, написанное розовым маркером на оборотной стороне меню китайского ресторана: грязная шлюха.

Меня на секунду бросает в холодный пот, который потом сменяется горячим потоком стыда; накатывает дурнота. Тянусь и вытаскиваю меню из-под дворника, бумага намокает в моем кулаке.

Ну, конечно, вот он, пристроился у светофора в конце квартала: большой оливковый «Бронко» семьи Доннелли. Патрик помял его в десятом классе осенью, когда сдал задом в почтовый ящик. На этой машине учились ездить все трое детей этой семьи, в нее мы забивались в одиннадцатом классе, когда Гейб подвозил нас в школу. Черные волосы Джулии блестят на солнце, загорается зеленый, и она уносится прочь.

Я заставляю себя сделать три глубоких вдоха, затем сминаю меню и кидаю на пассажирское сиденье машины. Еще два отправляются туда же, и только потом я выезжаю на дорогу. Крепко сжимаю руль, чтобы руки перестали дрожать. Джулия стала моей подругой еще до того, как я познакомилась с ее братьями. Наверное, логично, что именно она ненавидит меня больше всех. Помню, как столкнулась с ней здесь же вскоре после выхода статьи. Когда она повернулась и увидела меня с латте в руке, на ее лице отразилась неподдельная ненависть.

– Какого черта я везде тебя встречаю, Молли? – полным недовольства голосом спросила она, как будто и правда хотела понять, как решить эту проблему, чтобы это не происходило из раза в раз. – Ради бога, почему ты просто не свалишь?

Я отправилась домой и тем же вечером позвонила в Бристоль.

Но теперь мне некуда сбежать: хочется лишь поскорее добраться до дома, спрятаться под одеяло и смотреть документальные фильмы про глубокий океан или что-то подобное. Тем не менее я заставляю себя остановиться на заправке, чтобы заполнить пустой бак и набрать лакричных конфеток.

Я не могу провести так все лето. Правда?

Я как раз вставляю для оплаты кредитку, как на мое плечо опускается огромная рука.

– Убирайся отсюда! – произносит глубокий голос. Я разворачиваюсь и с колотящимся сердцем готовлюсь к драке, но потом понимаю, что это восклицание, а не приказ.

И понимаю, что оно исходит от Гейба.

– Ты дома? – с недоверием спрашивает он, по его загорелому лицу расползается широкая улыбка. На нем потертые шорты цвета хаки, очки-авиаторы и футболка из Нотр-Дама. Кажется, он рад меня видеть больше, чем кто-либо еще.

Я не могу сдержаться: начинаю плакать.

Гейб не моргает.

– Эй, эй, – мягко произносит он, обнимает меня и стискивает. От него пахнет кусковым мылом с фермерского рынка и высушенной на веревке одеждой. – Молли Барлоу, почему ты плачешь?

– Не плачу, – протестую я, хотя бесцеремонно размазываю сопли по его футболке. Отстраняюсь, вытираю слезы и качаю головой. – О господи, не плачу, извини. Позорище какое. Привет.

Гейб продолжает улыбаться, пусть даже немного удивленно.

– Привет, – говорит он, тянется и ладонью вытирает мне щеку. – Добро пожаловать обратно. Как дела? Вижу, ты наслаждаешься своим возвращением в теплое лоно Стар-Лейк.

– Ага. – Шмыгаю носом и беру себя в руки. Господи, я и не понимала, что так сильно нуждалась в дружеском плече, это даже смешно. Ладно, признаюсь, понимала, но не думала, что так сорвусь. – Все просто здорово. – Засовываю руку в открытое окно машины и отдаю ему смятое меню. – Вот это, например, приветственная открытка от твоей сестры.

Гейб разглаживает бумагу и смотрит на нее, затем кивает.

– Странно, – говорит он голосом спокойным, как гладь озера посреди ночи. – Этим утром она положила такую же и на мою машину.

Мои глаза округляются.

– Серьезно?

– Нет, – отвечает Гейб и улыбается, когда я кривлюсь. Его глаза темнеют. – Но правда, ты в порядке? Хреново и ужасно с ее стороны так делать.

Я вздыхаю и закатываю глаза – из-за себя, из-за ситуации, из-за тошнотворной абсурдности созданного мною бардака.

– Все... неважно, – отвечаю я, пытаюсь говорить спокойно или близко к тому. – Я в порядке. Что есть, то есть.

– Но это несправедливо, тебе не кажется? – спрашивает Гейб. – В смысле, если ты – грязная шлюха, то и я тоже.

Я смеюсь. Ничего не могу поделать, хотя очень странно слышать от него эти слова. После произошедшего мы ни разу это не обсуждали, даже когда вышла книга – и статья, – и мир начал рушиться на моих глазах. Возможно, прошло достаточно времени, чтобы это теперь казалось ему пустяком, впрочем, он, похоже, такой один. Видит бог, для меня это все еще совсем не пустяк.

– Это уж точно, – соглашаюсь я, а потом смотрю, как он сминает меню и кидает его через плечо, но бумажка приземляется в семи шагах от мусорки. – А ты знаешь, что раскидываешь мусор? – спрашиваю я, усмехнувшись.

– Добавь это к списку, – говорит Гейб. Кажется, его совершенно не волнуют такие оплошности в соблюдении законов. В выпускном классе он был президентом школьного совета. А мы с Патриком и Джулией развешивали по школе его предвыборные плакаты. – Слушай, люди ведут себя по-скотски. Моя сестра ведет себя по-скотски. И мой брат... – Он замолкает и пожимает плечами. Его каштановые волосы локонами прикрывают уши: они светлее, чем у брата с сестрой. Волосы Патрика почти что черные. – Ну, мой брат это мой брат, но его все равно здесь нет. Чем завтра занимаешься, работаешь?

– Я... пока ничем, – признаюсь я и тут же смущаюсь своей отчужденности: мне стыдно, что здесь практически никто не хочет меня видеть. У Гейба всегда был миллион друзей. – В основном прячусь.

Гейб кивает. А потом говорит:

– Как думаешь, завтра ты тоже будешь прятаться?

Я сразу же вспоминаю, как мне было десять или одиннадцать, и я наступила у озера на стекло, а Гейб донес меня на спине до дома. Вспоминаю, что мы целый год врали Патрику. Мое лицо опухло от слез, и в голову как будто запихнули что-то из ваты.

– Я не знаю, – наконец отвечаю я, но при этом заинтригована. Может, все дело в постоянной боли от одиночества, но встреча с Гейбом подсказывает мне, что что-то произойдет, на пыльной дороге покажется поворот. – Возможно. А что?

Гейб улыбается мне, как церемониймейстер, как человек, подозревающий, что я в предвкушении, и желающий удовлетворить его.

– Заберу тебя в восемь, – вот и все, что он говорит.

Гейб приезжает минута в минуту и, дважды ударив по клаксону, дает понять, что ждет снаружи. Я быстро сбегая по лестнице, ботинки шумно стучат по паркету. Мои волосы распущены.

– Ты куда-то идешь? – кричит из кабинета мама. Она удивлена, что вполне естественно, так как до этого момента мой круг общения состоял из Виты, Оскара и маленького робота от Netflix, дающего рекомендации на основе уже просмотренного. – С кем?

Мне не хочется ей говорить – порыв соврать сродни рефлексу. Нет желания снова становиться материалом для книжного клуба Опри. А потом решаю, что мне все равно.

– С Гейбом, – объявляю я, голосом бросая ей вызов. И, не дожидаясь ответа, выхожу за дверь.

Он ждет меня на подъездной дорожке, в магнитоле играет диск Боба Дилана. Музыка такая звонкая и знакомая. Его родители были хиппи: Чак носил волосы до плеч, пока Патрику и Джулии не исполнилось пять, и мы оба выросли под такую музыку, звучащую в их доме.

– Привет, незнакомка, – говорит он, когда я сажусь на пассажирское сиденье. – Уже разрушила сегодня какие-нибудь дома?

Я фыркаю.

– Пока нет, – уверяю его, закатив глаза, и пристегиваюсь. И только выдохнув, понимаю, что весь день нервничала из-за этого момента. Конечно, можно было и не переживать – это всего лишь Гейб, которого я знала еще с детского сада; Гейб, мой сообщник по преступлению. – Но понимаешь, еще рано.

Мы выезжаем за пределы города и едем пятнадцать минут до грузовика с хот-догами, стоящего на парковке у обочины дороги, куда в детстве нас возили его родители. Стоянка окружена гирляндами, столы липкие от влажности и слишком толстого слоя глянцевой краски. Семьи шумными компаниями едят мороженое. В коляске суется ребенок; на детской площадке на фоне последней синевы

сумерек играют мальчик и девочка. Рука Гейба касается моей, пока мы стоим в очереди. И я думаю, он стал шире в плечах и более красивым со времени нашей последней встречи – целых два года назад, перед его отъездом в Нотр-Дам. Он теперь поразительно высокий.

Мы садимся на свободный столик, мои ботинки и стильные кожаные шлепки Гейба встали на скамейке рядышком. Он берет огромный бумажный пакетик с луковыми кольцами, в воздухе повисают аромат жареного теста и дымка от гриля. С того момента, как Патрик заявил, что больше не хочет меня видеть, я ни к одному парню не сидела настолько близко, как сейчас к Гейбу. Я ни с кем не встречалась в Темпе.

– Так почему ты вернулась? – спрашивает Гейб.

Делаю глоток лимонада и отмахиваюсь от зависшего над коленом комара.

– Закончила школу, – отвечаю я, передернув плечами. – После выпуска мне было некуда деваться. Я, наверное, могла бы сбежать, но...

– Не можешь прятаться, – заканчивает Гейб, ссылаясь на вчерашний разговор на заправке. Мы с минуту сидим в уютном молчании – странно вот так находиться рядом с ним. До произошедшего из всех Доннелли я была наименее близка к Гейбу. Не ему я рассказывала свои секреты: все изменилось, когда наши отношения с Патриком полетели к чертям. Я никогда не делилась с ним всем, что меня беспокоило. Наверное, логично, что теперь он единственный, кто будет со мной общаться.

Мы едим хот-доги, и Гейб рассказывает про школу в Индиане, где изучает биологию, как он проводит время этим летом и что работает в пиццерии, чтобы помочь маме.

– Как она? – спрашиваю я, вспоминая толстый серый хвостик и легкую улыбку Конни. После смерти Чака она не ушла в себя, а пошла вперед, вскинув голову. Когда мне было четырнадцать, у папы Гейба, Патрика и Джулии случился сердечный приступ прямо за столом, посреди спора Гейба и Патрика по поводу того, чья очередь поливать из шланга их моторную лодку «Салли Форт». Следующим летом Конни продала эту лодку. И теперь сама управляет пиццерией.

– В порядке, – отвечает Гейб, и я улыбаюсь. Мы разговариваем обо всяких пустяках: о костюмированной вечеринке, на которую он ходил пару недель назад, где все парни оделись своими мамами, и о том, что смотрим по телевизору.

– Ого, – смеется Гейб, когда я делюсь по-настоящему искрометными фактами про сухой закон и трансконтинентальную железную дорогу, которые почерпнула из документальных фильмов. – Ты серьезно проголодалась по человеческому общению, да?

– Заткнись, – смеюсь я, и он с виноватой усмешкой предлагает мне последнее луковое кольцо. Я гримасничаю, но все равно его беру – ведь не скажешь, что он не прав.

– Итак, – говорит Гейб, все еще улыбаясь. У него голубые, как озерная вода, глаза. На другом конце парковки заводится машина и выезжает на дорогу, прорезая летнюю темноту ярким светом фар. – Как бы там ни было, Молли Барлоу, я рад, что ты вернулась.

День 6

– Прости, ты улыбаешься? – спрашивает следующим утром мама, недоверчиво глядя на меня с другой стороны кухонного островка.

Я улыбаюсь в чашку кофе и не отвечаю.

День 7

Следующим утром я просыпаюсь с уже узнаваемым зудом в теле, который давно не испытывала; некоторое время остаюсь лежать под одеялом, вдруг пройдет. Солнечный свет льется в окно. В воздухе пахнет прохладой и влажностью Стар-Лейк. Я дремлю десять минут. Снова проверяю.

Нет. Он еще на месте.

Наконец вылезаю из кровати и, достав из нижнего ящика шкафа старые потрепанные леггинсы, морщусь из-за того, что они туги в талии, впиваются в нежную мягкую кожу. Кривлюсь и принимаюсь распутывать узлы на шнурках кроссовок, которым, в буквальном смысле, уже целый год.

Возможно, я уже через четыреста метров рухну замертво, свалюсь на краю дороги, как толстый сплюснутый енот.

Но я хочу бегать.

Когда я спускаюсь, мама пьет кофе на кухне, но благоразумно решает не комментировать мой внезапный выход из трехэтажной башни и молча наблюдает, как я пристегиваю к ошейнику Оскара кожаный поводок.

– Полегче с ним, хорошо? – вот и все, что она говорит. Вероятно, она впервые за всю жизнь попросила кого-то быть полегче с кем-то. – Он маловато тренируется.

– Не волнуйся, – бормочу я, засовываю наушники и иду к задней двери. Машу Алексу, который обрезает рододендроны, и направляюсь по подъездной дорожке к улице. – Я тоже.

Я занималась бегом всю среднюю школу и первые три года старшей; в десятом классе Бристоль пытался завербовать меня в команду по бегу – вот так я про них и узнала. Но к тому моменту, как после произошедшего я уехала в Темпе – это был самый долгий, самый быстрый бег во всей моей жизни, – с карьерой бегуна было покончено. Выпускной год я провела на трибунах, чаще всего без движения. Теперь я чувствую себя бледным, рыхлым Железным Дровосеком, со скрипом возвращающимся к жизни.

Я бегу параллельно шоссе по каменистой велодорожке, которая в итоге сужается и становится Стар-Лейк-роуд. Мы с Патриком всегда бегали этим маршрутом – когда было так же тепло, но еще и зимой, когда замерзали берега озера и хрупкие на вид ветки сосен покрывались снегом. Он получил в десятом классе на Рождество яркий зеленый свитер, и я помню, как наблюдала за ним – он выделялся, словно какая-то экзотическая птица, – пока мы неслись по

однообразному серому пейзажу. Я наблюдала за ним все время, за его быстрым изящным телом. Тогда мы с Патриком всерьез занимались бегом, но чаще всего наши забеги вокруг озера были предлогом остаться в одиночестве. Мы встречались с прошлой осени, но все до сих пор казалось новым, волнующим и удивительным, будто никто до нас не чувствовал такого.

– Гейб сказал, он и Софи Табор купались здесь осенью голышом, – сказал он мне, когда мы завершили круг, и его рука коснулась моей, спрятанной в перчатку.

Я засунула наши руки в карман куртки, чтобы согреться.

– Правда? – спросила я, отвлекаясь на его настолько близкое присутствие. А потом поморщилась. – А ты не считаешь «купание голышом» отталкивающей фразой? Мне она кажется какой-то неприятной. Как влага.

– Или трусики.

– Не говори про трусики, – требую я.

Патрик улыбнулся мне, наши плечи соприкасались, пока мы шли по замерзшему берегу озера. Сквозь зимние облака пробивался слабый ореол солнечного света. – Но нам стоит попробовать.

– Что? – непонимающе спросила я. – Исккупаться голышом? – Посмотрела на корку снега, покрывающую землю, затем перевела взгляд на него. – Да, стоит.

– Ну, не сейчас, – пояснил Патрик, сжимая мою руку в кармане. – Спасибо, но мне хотелось бы дожить до выпускного, не отморозив хозяйство. Но когда будет теплее, да. Стоит.

Я заинтригованно и с любопытством посмотрела на него, окруженного морозным белым светом; меня пронзила дрожь. Пока что мы только целовались.

– Этим летом, – согласилась я и встала на цыпочки, чтобы чмокнуть его в уголок рта.

Патрик повернул голову и обхватил мое лицо руками.

– Люблю тебя, – тихо сказал он, и я улыбнулась.

– И я тебя.

Не знаю, что выбивает из меня дух: это воспоминание или физическая нагрузка, но уже через полтора километра нам с Оскаром приходится остановиться и немного пройтись. Дороги здесь прячутся в лесах и петляют, изредка проезжает машина. Деревья нависают над асфальтом, но я все равно потею в футболке с треугольным вырезом; утренний воздух начинает прогреваться. Когда мы проходим мимо съезда к гостинице Стар-Лейк, я импульсивно тяну поводок и иду по знакомой гравийной дорожке к полянке, на которой сутулится старый отель. Вдали виднеется Катскилл со сверкающим у подножия озером.

Я работала в покосившейся гостинице целых три лета, выдавала полотенца на берегу озера и стояла за кассой в небольшом сувенирном магазине в лобби – так делали многие из нашей школы: обслуживали столики в столовой или преподавали в бассейне уроки плавания. Патрик и Джулия навещали меня между сменами в пиццерии; даже Имоджен однажды работала тут несколько месяцев в десятом классе, когда «Френч Роуст» закрыли на ремонт. Здесь все выглядело запущенным: выцветший ковер со столлистыми розами и старомодный лифт, который перестал работать еще до моего рождения. Это место находилось на грани закрытия и, кажется, все же закрылось: на главной парковке пусто, а лужайка испещрена гусиными какашками. На проседающем крыльце жутковато покачиваются на ветру кресла-качалки. Но внутри горит свет, и когда я толкаю главную дверь, она распахивается в пустое лобби с той же самой выцветшей мебелью в цветочек.

Я собираюсь развернуться и уйти – здесь страшно, настолько заброшенным кажется это место, – как в лобби, точно в чертовом «Сиянии», выбегает маленький мальчик в кроссовках с подсветкой, подпрыгивает на одном из обитых парчой диванов, а затем устремляется в коридор, ведущий в столовую. Я громко ахаю.

– Фабиан! Фабиан, разве я не просила тебя здесь не бегать? – В лобби выходит высокая женщина за тридцать, в обтягивающих джинсах и футболке полицейского управления Нью-Йорка, и резко останавливается, когда видит зависшую в дверном проеме меня, похожую на затаившегося психа. – О, вы новая помощница? – спрашивает она, глядя за мое плечо в коридор, куда убежал

Фабиан. Кажется, она раздражена. Ее лицо окружают крепкие пружинистые кудряшки. – Вы опоздали.

– О, нет. – Я смущенно качаю головой. Странно, что я сюда вошла. Не понимаю, зачем, вернувшись в город, появляюсь в тех местах, где меня не хотят видеть. Я как будто обзавелась новым хобби. – Извините. Я здесь раньше работала. И не знала, что вы закрыты.

– Снова открываемся этим летом, – говорит женщина. – Под новым управлением. Мы должны были открыться в День поминовения, но это было несбыточной мечтой. – Вижу, как она рассматривает мою потную одежду и кроссовки, влажный хвостик и лицо в красных пятнах. – Чем вы занимались?

Одну безумную секунду думаю, что она говорит про Гейба и Патрика – вот насколько глубоко укоренилась вина, кажется, даже эта незнакомка может ее почувствовать, – но потом я понимаю, она имеет в виду мою работу здесь, и объясняю.

– Правда? – говорит она заинтересованно. – Мы ищем сотрудника. Личного помощника для нового владельца. Вообще-то, мы его уже наняли, но она опаздывает, а ты здесь. Я приму это за знак. Я сейчас только и делаю, что вижу знаки. Мои дети из-за этого очень нервничают.

Я улыбаюсь, ничего не могу с этим поделать. Я не искала работу – особенно такую, где вполне возможно столкнуться с кучей ненавидящих меня, – но в этой женщине есть что-то победоносное, что разжигает жажду предвкушения, которую я почувствовала, когда столкнулась в тот день на заправке с Гейбом.

– А кто новый владелец? – спрашиваю я.

Женщина широко улыбается в ответ, будто у нее есть секрет, которым она хочет поделиться, и радуется, что я сейчас здесь.

– Я. – Она вытягивает гладкую загорелую руку и уверенно пожимает мою. – Пенсильвания Джонс. Зови меня Пенн. Можешь начать с завтрашнего дня?

День 8

В свой первый рабочий день в качестве помощника Пенн я ищу и обобщаю четырнадцать сотен списков дел, которые она составила, а потом растеряла по всей территории, написала на салфетках в баре и прикрепила к холодильнику на кухне. На доске у бассейна написано «ХЛОП». И когда мне кажется, что я нашла их все, они умещаются на семи листах с обеих сторон.

– О, слава богу, – говорит Пенни, когда я стучусь в дверь ее кабинета и отдаю их. Рабочий стол похоронен под кучей заказов на поставку и чеков. В уставшем голосе слышится нью-йоркский акцент. Она сказала мне, что вместе с детьми – шестилетним Фабианом и маленькой девочкой Дези, которой не больше четырех и которая за все время, пока я находилась в комнате, не произнесла ни слова, – переехала сюда из Бруклина прошлой весной. Об их папе она ничего не говорила, а я и не спрашивала. – Так. Я просмотрю их после встречи с персоналом, хорошо? Идем, я попросила собраться в лобби в два часа. Хотела взять пончики. Я тебе говорила или это просто крутится весь день в моей голове?

– Вы говорили, – напоминаю я и следую за ней из офиса в темный коридор, обшитый деревянными панелями. – Я сбегала за ними на ланче.

– Ох, ты молодец, – говорит Пенн, но я больше не слушаю ее, застываю в высоком арочном дверном проеме. На стульях и диванах, расставленных вокруг большого камина, сидят пара десятков людей. Их лица такие знакомые, что я в буквальном смысле не могу двигаться: Элизабет Риз, секретарь школьного совета три года подряд; Джейк и Энни, которых я знаю еще с детского сада и которые столько же встречаются. Она подталкивает его, заметив меня, и ее безупречно выщипанные брови взлетают до линии волос. Она демонстративно отворачивается.

Я думаю о записке на лобовом стекле – грязная шлюха – и чувствую, как сильно покалывает кожу. Мне кажется, что все присутствующие здесь тоже ее видели или писали ее, или считают меня такой, хотя не делали ни того, ни другого. Именно так было до моего отъезда. Джулия однажды позвонила ко мне домой и, притворившись работницей центра по планированию семьи, сказала, что они получили положительный результат по моему анализу на ЗППП, и я помню, как была ей благодарна, потому что свидетелем тому стала лишь моя мама.

Возможно, я заслужила то, что все повернулись ко мне спиной после выхода книги и статьи, словно я страдала от какой-то заразной социальной болезни. Но это не значит, что я снова хочу пройти через это.

Если Пенн и заметила, что на меня все смотрят – а они смотрят: кто-то беспокойно ерзает, девочка, с которой я в одиннадцатом классе ходила на английский, что-то шепчет, прикрыв рот рукой, – то ничего не говорит.

– Все получили пончик? – начинает она.

Встреча проходит быстро, она приветствует их в новой гостинице и рассказывает, как пользоваться древними табельными часами. Я проверяю, кто еще здесь. Шеф-повар средних лет и его су-шеф, с которыми я познакомилась этим утром, когда они подготавливали кухню, горничные, которые проветривали гостевые комнаты, распахнув настежь окна. На кожаном диване в ряд, точно птицы на проводе, примостились три подружки Джулии из команды поддержки, три одинаковые французские косы перекинута через их тонкие плечи. Я стараюсь стоять прямо и не увядать под их взглядами, полными презрения, как страдающее от засухи растение: та, что слева, смотрит на меня и довольно отчетливо проговаривает губами слово «шлюха». Я скрещиваю руки на груди, чувствуя себя совершенно голой. Мне хочется выскользнуть из собственной кожи.

Позже я выхожу с пончиком на заднее крыльцо с видом на озеро, ковыряю обсыпку и пытаюсь взять себя в руки. Девушка моего возраста в шортах и кроссовках поливает из шланга шезлонги, рыжие волосы убраны в неопрятный пучок. Она вздрагивает, когда видит меня, на лице отражается тревога.

– Дерьмо, – говорит она, смотрит на часы, а затем снова на меня, светлые брови сходятся на переносице. – Я пропустила встречу? Черт, я точно пропустила встречу.

– Я... да, – виновато сообщаю я ей. – Но все нормально. И я думаю, там еще остались пончики.

– Ну, в таком случае... – говорит она, откидывает шланг и, поднявшись на крыльцо, протягивает руку. Ее бледная кожа покрылась розовым загаром. – Я Тесс, – представляется она. – Главный спасатель, точнее, буду им, когда здесь

будут купаться. Сейчас я просто повелительница шланга. – Она морщит нос. – Извини, в моей голове звучало не так мерзко. Ты только что вышла на работу?

Я громко смеюсь – впервые за весь день, и это вроде как меня пугает: звучит незнакомо.

– Первая смена, – сообщаю ей. – Типа того. Я Молли, помощница Пенн.

Объясняю, что раньше работала здесь, потом уехала и просто вернулась на лето. Во время рассказа откусываю большой кусок пончика.

Тесс кивает.

– Вот почему я тебя не узнала, – говорит она. – Я живу здесь всего год. Переехала в выпускном классе. – Она показывает на пончик. – Там и правда еще остались?

– Остались, – обещаю я, открываю шаткую сетчатую дверь и прохожу вслед за Тесс в прохладную темную гостиницу. – Даже есть медвежьи когти.

Тесс фыркает.

– Хотя бы этого мне хватило, – говорит она, когда мы идем через старомодную столовую, с потолка которой свисает полдюжина пыльных медных люстр. – Не понимаю, как я считала работу в отеле гламурной. Просто мой парень уехал на лето, поэтому я такая: «Отдайте мне все часы, я буду работать все время и откажусь от общественной жизни».

– Это очень похоже на мой план, – соглашаюсь я, осматриваясь в поисках мерзких друзей Джулии и опустив ту часть, где отказ от общения с людьми – не совсем мой выбор. Мне уже нравится Тесс; меньше всего мне хочется признаться в том – или, хуже того, чтобы кто-то рассказал ей, – что я ее дружелюбная соседка-блудница и разрушительница семей. – Где твой парень? – спрашиваю вместо этого.

Когда мы доходим до лобби, там уже пусто; Тесс берет из коробки шоколадный пончик с глазурью и откусывает.

– Он в Колорадо, – произносит она с набитым ртом, тянется к салфетке и глотает. – Извини, я такая неряха. Он кто-то вроде волонтера по борьбе с пожарами. Наверное, смотрел фильм по Lifetime про пожарных десантников. Я даже не знаю.

Она шутит, но я в этот раз не смеюсь; мое сердце находится где-то в окрестностях выцветшего ковра столовой. Его сменило что-то холодное, липкое и влажное в моей груди.

Он не смотрел фильм по Lifetime, отрешенно думаю я. Он с самого детства хотел бороться с лесными пожарами.

– Твой парень... – начинаю я, а потом замолкаю, не могу этого произнести. Такого не может быть, ни за что. Ни за что. – В смысле, как его...

Тесс легко и беззаботно улыбается мне. На ее верхней губе осталось немного глазури.

– Патрик Доннелли, – отвечает она, в ее голосе явно слышатся интонации, которые появляются, когда говорят про любимую песню, фильм или человека. – А что, ты его знаешь?

Он был моим лучшим другом. Был моей первой любовью. Я занималась сексом с его старшим братом. Я разбила его сердце.

– Да, – наконец говорю я, тянусь за еще одним пончиком и выдавливаю слабую улыбку. – Знаю.

Воцаряется тишина, Тесс все еще улыбается, но глаза смотрят озадаченно. И тут она все понимает.

– Молли, – произносит она, словно мое имя – ответ на вопрос в игре «Счастливым случаем», словно оно крутилось в ее голове, но она не могла подобрать слово. Словно проиграла. – Ого, привет.

– Привет, – отвечаю я, неловко махнув, хотя она стоит прямо передо мной. Господи, и зачем я добивалась того, чтобы выйти из дома? – Извини. Я не

пыталась вести себя чудаковато. Не знала...

– Да, я тоже.

Тесс проглатывает оставшийся кусок пончика, как шот виски, морщит нос и кладет на пустой столик смятую салфетку. Мы молчим. Я представляю, как она звонит Патрику в Колорадо: «Знаешь, я сегодня утром познакомилась с твоей дрянной бывшей». И нарочно не представляю, что он скажет ей в ответ.

– Было приятно познакомиться, – наконец говорю я Тесс, мне впервые с моего возвращения очень хочется сбегать. Интересно, подружилась ли она с Джулией. Интересно, помогала ли забрасывать мой дом яйцами. Было глупо хотя бы на секунду почувствовать надежду. Было глупо вообще соглашаться на эту работу. – Я... Наверное, еще увидимся.

– Наверное, – кивает Тесс и тоже неловко машет мне, когда я направляюсь к коридору, ведущему на кухню. Я представляю, как остаток дня буду ощущать ее взгляд мне в спину.

В конце рабочего дня я сижу за стойкой регистрации в лобби и составляю список журналов и сайтов для размещения рекламы. Открывается дверь гостиницы, и заходит Имоджен.

– Эм, привет! – говорит она, заметив меня и явно озадачившись – такое же выражение лица было у нее в кофейне тем утром, будто я удивила ее, причем не в хорошем смысле. – Ты снова здесь работаешь?

Я киваю, убираю волнистые волосы за уши и пытаюсь улыбнуться. Меня бесит эта неловкость между нами, словно кусочки пазла намокли, деформировались и теперь друг другу не подходят. До моего отъезда Имоджен никогда не относилась ко мне, как к изгою.

– Через пару недель большое открытие, – отвечаю я. – Игры и фейерверки. Ты пришла записаться на забег на трех ногах?

Имоджен качает головой и одаряет меня снисходительной улыбкой, какой улыбаются ребенку, который спрашивает, работает ли у тебя холодильник.

– Вообще, я приехала за своей подругой Тесс. – На ее платье, спереди застегнутом на пуговицы, нарисованы листочки. – Она тоже здесь работает. Мы собирались взять еду и, возможно, съездить в Силвертон посмотреть фильм.

Я прикусываю щеку изнутри – конечно, они дружат, конечно, так и должно быть. На секунду мне вспоминается любимый мамин фильм «Всё о Еве», в котором молодая актриса полностью перенимает личную жизнь другой женщины.

– Я познакомилась с Тесс, – говорю я. Мне ужасно хочется узнать у Имоджен, серьезные ли у них с Патриком отношения: вместе ли они с прошлого сентября, любит ли он ее больше и сильнее, чем любил меня. – Она милая.

– Хочешь поехать с нами? – спрашивает Имоджен высоким и неуверенным голосом. – Мы, возможно, просто поедem в кафе, но ты могла бы... присоединиться к нам.

Господи, никогда не слышала такого приглашения.

– Мне надо кое-что здесь закончить, – отвечаю ей, качая головой. Я по ней скучаю. Не могу этого отрицать. Детьми мы всегда носили одинаковые прически. – Но мы можем как-нибудь поужинать вместе, ты и я. Наверстать, а? Я принесу торт, ты погадаешь мне.

Мама Имоджен увлекалась картами, сколько я ее знала; подруга получила на свой тринадцатый день рождения собственную колоду. Она все время мне гадала, медленно и аккуратно раскладывала карты на моем пушистом покрывале. При перевороте они тихонько щелкали: четверка мечей, семерка пентакли. Повешенный. Солнце. Я всегда расплачивалась с ней немецким шоколадным тортом из кафе на главной улице, который я считаю сухим, рассыпчатым и отвратительным – что торт, что кафе, – но Имоджен любит его больше всего.

Она пожимает плечами в ответ на мое приглашение, прямая челка раскачивается, когда она шевелит головой.

– Я теперь особо этим не занимаюсь, – говорит она. – Я имею в виду карты. Но конечно, давай поужинаем.

Я собираюсь предложить день, как мы обе замечаем идущую по лобби Тесс, которая держит кусок арбуза. Имоджен так быстро уходит, что я даже не успеваю попрощаться.

– Мне пора, – кричит она через плечо. Дверь в гостиницу захлопывается.

День 9

На следующий день я возвращаюсь из гостиницы без сил. Большую часть дня помогала очистить столовую от старой мебели, чтобы утром вынесли уродливый старый ковер – такая работа прилась мне по душе, потому что не надо было разговаривать. Хочется лишь принять душ, а затем рухнуть лицом на кровать, но мама, в джинсах, шелковом топе и босиком, режет на кухне лимоны для холодного зеленого чая, который пьет литрами во время работы над книгой. Она выросла в этом доме, с самого детства ходила по этим скрипучим полам из широких паркетных досок. Она родилась в хозяйской спальне наверху.

Я родилась в окружной больнице Фаррагута, Теннесси, у пары моложе моего возраста на данный момент. Они не смогли меня оставить: тот день, когда Молли въехала в этот дом, стал основной сказкой на ночь. «Я выбрала тебя, – нравилось говорить моей маме, когда мы обе лежали под одеялом, мои маленькие ножки касались ее коленей, а волосы беспорядочной лавиной лежали на подушках. Ей не нравилось плести мне косы или пучки. – Я выбрала тебя, маленькая Молли. Больше всего на свете мне хотелось быть твоей мамой».

Диана Барлоу никогда не испытывала трудностей в придумывании небылиц.

Ладно, возможно, я слегка предвзята. Но мне всегда казалось смешным, что у мамы, которая так хотела ребенка, совершенно отсутствовал материнский инстинкт. Я не приравниваю ее к высокомерной женщине из «Цветов на чердаке» – она никогда не вела себя заносчиво или безжалостно, всегда говорила, что любит меня, и я ей верила, – но ей надоедала детская суета,

например, когда мы весь день напролет с Патриком и Джулией громко кричали во дворе. Она словно проснулась однажды и, обнаружив в своем доме какое-то незнакомое создание из книги, не знала, что с ним делать. Возможно, это логично – она же хотела ребенка.

И этот ребенок превратился в... Ну, в меня.

– Ты грязная, – отмечает она, кидая лимон в кувшин и ставя его в холодильник. – Что они там заставляют тебя делать?

– Бороться со свиньями.

Мои мышцы болят. Наверное, от меня воняет. Наливаю воду из-под крана, когда струя становится холодной. После моего отъезда она поработала над кухней: сменила электроприборы и столешницы, и я достаю из кладовой с новой раздвижной дверью банку арахисового масла. Мама не писала книгу уже пять лет, после того как украла мой худший секрет и превратила его в бестселлер. Вышедший перед этим роман, «Летние девочки», оказался полным провалом. И она злилась, когда не писала, бродила по дому, как животное в слишком маленькой клетке; помню, как я ликовала, когда она снова закрылась в своем кабинете, и как она радовалась, что вернулась к работе. «Я выбралась из тупика!» – похвасталась она, отсалютовав мне однажды за завтраком чашкой кофе. Я понятия не имела, что для этого она использовала меня.

– О, очень смешно, – говорит она, качая головой и еле заметно улыбаясь. – Правда, я думала, что ты работаешь помощницей, а не занимаешься физическим трудом.

Пожимаю плечами, делаю большой глоток воды и достаю из ящика ложку.

– Я делаю все, что ей нужно.

– Ты можешь вообще этим не заниматься, Молли. – Мама поворачивается лицом ко мне. – Можешь не работать этим летом, я же тебе говорила. Это твое последнее лето перед колледжем; ты должна расслабляться, а не заправлять кровати за десять долларов в час.

– Я не заправляю кровати, – спорю я. – А даже если бы и...

– Тебе вообще не стоит работать, – заявляет она, и мне приходится приложить усилия, чтобы не закатить глаза. Она всегда напоминала мне об этом. Когда вышла книга и начался настоящий ад, она решила, что, озвучив мои темные секреты, сделала щедрый жест в моих интересах. Кажется, ей не приходило в голову, что меньше всего мне было нужно ее вознаграждение. – Это твои деньги.

– Это деньги Эмили Грин, – сердито парирую я. Эмили – главная героиня «Дрейфующей», красивая мямля, попавшая в дурацкий раздутый любовный треугольник, – ужасающе кривая версия меня, отвратительная и исковерканная, но узнаваемая для тех, кто довольно внимательный. – Они мне не нужны.

Под звук наших повышенных голосов с кухни смывается Вита; я с громким стуком ставлю стакан на стойку, и мы обе морщимся.

– Они мне не нужны, – повторяю я в этот раз потише. Мама качает головой. Глубоко вдыхаю, чувствуя проникающие в окно запахи сосен и озерной воды. И пытаюсь вспомнить, было ли это место хоть когда-нибудь моим домом.

День 10

На следующий день во время ланча я отправляюсь по поручениям Пенн и подпеваю Джони Митчелл, про диск которой совсем забыла. На улице просто здорово: погода подходит для холодного кофе, поэтому на обратном пути паркуюсь у «Френч Роуст», чтобы купить латте. Уже выйдя из машины, замечаю Гейба в шортах и кепке «Янкиз», устроившегося на одной из скамеек на террасе, и неосознанно останавливаюсь, потому что он пьет мокко с Элизабет Риз из гостиницы.

Я на секунду замираю посреди тротуара, чувствуя себя обманутой, но тут же говорю себе, что это смешно. Конечно, он может пить кофе с кем угодно. Элизабет была на класс старше меня, Патрика и Джулии, а значит, на год младше Гейба; она состояла с ним в ученическом самоуправлении и всегда носила на одной руке кучу браслетов, серебристых и позвякивающих. Кажется,

теперь она учится в университете Дьюка. Она симпатичная.

Девушка смеется, сидя на деревянной скамейке, и ударяет Гейба по жилистому бицепсу – пройти можно только мимо них, и Гейб, конечно же, замечает меня и машет.

– Привет, Молли Барлоу, – непринужденно здоровается он, кивнув головой в кепке. Элизабет Риз вообще ничего не говорит, просто поджимает блестящие губы и отворачивается.

Я быстро и смущенно бормочу: «Привет», а затем проскальзываю в темную безопасность прохладной кофейни.

Имоджен сегодня не работает, но я все равно задерживаюсь внутри. Щеки пылают, и надеюсь, что эти двое исчезнут к тому моменту, как я выйду. Мне везет на пятьдесят процентов: Элизабет ушла, но Гейб встает и идет за мной к обочине.

– Эй, – говорит он, тянется и нежно, но настойчиво хватая меня за предплечье. – Молли, подожди.

– Я работаю. – Я слишком остро реагирую – и понимаю это, – но чувствую, что вот-вот заплачу. Ощущаю себя уставшей, раздраженной и снова такой одинокой, что даже Гейб теперь для меня – гиблое дело. Это моя вина, моя идиотская вина; я сделала свой выбор. Но правда в том, что он кажется несправедливым.

– Есть время пообедать? – спрашивает Гейб, не испугавшись окутавшего меня ядовитого облака, тяжелого, как сигаретный дым. – Я тут думаю перекусить.

Я рефлекторно смотрю на часы.

– Не особо.

– Мы по-быстрому, – обещает он. – Ты же должна есть?

Я качаю головой.

– Гейб... – Какого черта? Я говорю раздраженно и капризно и даже не могу четко сформулировать, почему: то ли дело в такой ответной реакции Гейба, то ли в интересе, с которым он смотрел на Элизабет, когда я подъехала к «Френч Роуст». Ревновать его – чистое безумие. Я даже не знаю, из-за чего ревную. Наверное, из-за того, что я какой-то ужасный зеленоглазый монстр, оберегающий единственного человека, который рад меня видеть после моего возвращения сюда. Или, возможно, из-за того, что его внимание мне нравилось в другом, более серьезном смысле. – Только быстро, – предупреждаю я его спустя минуту. – И не в пиццерии.

Гейб улыбается.

– Не в пиццерии, – говорит он.

Мы проходим квартал до «У Банчи», кафе с жирными бургерами в красных пластмассовых корзинках и громко звенящим в углу аппаратом с клешней для вытаскивания игрушек – основной спрос у отдыхающих в городе семей.

– Могу я задать тебе вопрос? – начинаю я, как только мы делаем заказ. Сейчас половина первого, и в кафе шумно, дешевые столовые приборы стучат по белым тарелкам. Поет Лоретта Линн, на кухне перекрикиваются повара. Я делаю вдох. – Это, в принципе, не мое дело, и я ничего такого не думаю, но ты встречаешься с Элизабет Риз?

Гейб улыбается. Кажется, он удивлен, густые брови чуть выгибаются. У него самые-самые голубые глаза.

– Нет, – медленно отвечает он, на щеке появляется ямочка, про которую я забыла. Да, Гейб красив до безобразия. Так говорили все девчонки, но я никогда до определенного момента этого не замечала. – Я... точно не встречаюсь, нет. А что?

– Просто интересно. – Я увиливаю и откусываю бургер. Затем, проглотив, говорю: – Понимаешь, это во избежание дальнейшего скандала, которые следуют за мной, куда бы я ни пошла.

– Ага, – усмехается Гейб, – куда бы мы с тобой ни пошли, ты имеешь в виду?

Он едва заметно кивает за плечо: у зеркального окна собралась толпа подружек Джулии. Они смотрят на нас, словно мы – Бонни и Клайд, только что ограбившие банк, и пистолеты еще дымятся в наших руках.

– Ага, – отвечаю я, по позвоночнику вновь взбирается вызывающая зуд волна стыда. Господи, что я вообще здесь делаю? Я съеживаюсь, представляя руку Гейба на моей обнаженной груди. Вспоминая его теплые губы на моих губах. Я думаю о выражении лица Патрика, когда он узнал про нас, словно предпочел бы тысячу лет одиночества, чем снова меня видеть, и отодвигаю тарелку.

– Не обращай на них внимания, – советует Гейб, меняя мою картошку фри на несколько своих луковых колец. Его загорелая рука касается моей, когда он тянется через стол за бутылкой кетчупа. А затем меняет тему. – Не знаю, чем ты занимаешься на этой неделе, но у моего приятеля вечеринка, если хочешь потусоваться, – говорит он мне настолько обыденно, что я на мгновение не могу понять, розыгрыш это или нет. – Познакомишься с новыми людьми.

– Не знаю, – снова осторожничаю я и морщусь от волны смеха, доносящейся от столика у окна – там сидит Микаэла из гостиницы и с ней две девочки, лица которых кажутся мне знакомыми. В этом городе необязательно знать меня, чтобы ненавидеть. Я не хочу повторения того, что было до отъезда в Бристоль, когда при моем появлении в классе резко обрывались разговоры, а на зеркале в туалете ярким блеском писали: «Молли Барлоу слаба на передок». – А в Стар-Лейк можно познакомиться с новыми людьми?

Гейб кивает – справедливое замечание.

– Возможно, нет, – признает он. На нем кепка и зеленая футболка пиццерии Доннелли, рыжие волосы на руках ловят льющийся внутрь солнечный свет. – Но есть и крутые ребята.

– О, да? – Выгибаю брови. – Вот как?

– Вот так. – Гейб улыбается. – Он живет прямо возле озера – можешь взять с собой купальник. Будет весело.

Я открываю рот, чтобы отказаться, но кто-то достаточно сильно пинает заднюю ножку моего стула, и я рукой подталкиваю стакан из «Френч Роуст». Хорошо, что

он пустой, но оставшийся лед рассыпается по столу; я вскидываю голову и вижу Микаэлу, которая направляется к двери и машет мне, не поворачиваясь.

– Упс, – воркует она, вся такая сладкая, как пирог с песочной крошкой, приправленный ядом.

Осторожнее, хочется огрызнуться мне, но Микаэла уже выходит за дверь. Гейб ругается и тянется за салфеткой, чтобы убрать лед. Я очень явно чувствую привкус железа, словно неосознанно прикусила язык.

Я унижена.

Но еще в ярости.

Закрываю глаза, а когда открываю их, Гейб пристально наблюдает за мной, будто готов уловить какой-то сигнал. Будто готов позволить мне вести. Я глубоко вдыхаю и выдыхаю.

– Так когда вечеринка? – спрашиваю я.

День 11

Телевизоры в номерах гостиницы – сплошь огромные монстры из 80-х, с торчащей антенной и ручками настройки по бокам, поэтому я утром прозваниваю магазины, чтобы прицениться к новым. Хотя выделенного Пенн для этого бюджета едва хватит на то, чтобы оплатить вынос старых. Я пытаюсь придумать наилучший способ заставить ее вообще отказаться от этой идеи (Ближе к природе! Общайтесь с семьей подальше от сурового взгляда потребительства! У представителей городской богемы нет телевизоров, и у нас тоже!), как вдруг вижу на пороге кабинета Дези, зависшую как привидение. Ее худое тело прижимается к раме из темного дерева. Понятия не имею, сколько она уже ждет. Я здесь больше недели, но так и не услышала от нее ни слова.

– Привет, Дез, – тихо и осторожно решаюсь сказать я, словно пытаюсь не напугать олененка. Ее волосы заплетены в миллион косичек по всей голове,

единственный звук, что она издает, – клацанье пластмассовых шариков. Она красивая. Глаза темные и огромные. – Маму ищешь?

Дези качает головой, но ничего не говорит. На ее футболке изображена Даша-путешественница. Малышка оттягивает подол, будто ей скучно или она расстроена, но я понятия не имею, что ей нужно.

– Хочешь порисовать? – снова пытаюсь я. Для этого на книжной полке лежит коробка с карандашами шестидесяти четырех цветов, а еще стопка учебных тетрадей и несколько настольных игр, но в ответ лишь тишина. Мы смотрим друг на друга. Я думаю. А потом тянусь к сумочке и, достав упаковку лакричных конфет, протягиваю ей угощение.

Дези улыбается.

День 12

Приятель Гейба Райан – знакомый его знакомого из колледжа и наследник трастового фонда лет двадцати с хвостиком. Он живет в, вероятно, нелегально установленном передвижном доме на дальней стороне озера. Гейбу пришлось остаться в пиццерии на вечерний наплыв посетителей, поэтому он пишет, что мы встретимся на вечеринке, и я специально опаздываю, чтобы не показаться раньше него. Около половины десятого паркую свой «Пассат», в воздухе повис запах ночной воды – мрачный и загадочный. На песчаном участке берега горит костер.

– Эй, – кричит Гейб и пробивается сквозь толпу, как только замечает меня. Он держит два красных стаканчика и, обняв в знак приветствия, протягивает мне один. Волнистые волосы прикрывают его уши, а на лице отражается то ли обеспокоенность, то ли что-то другое – мне сложно понять. Из маленьких колонок айпода играет какая-то бряцающая музыка, возможно, Vampire Weekend. – Ты это сделала.

– Сделала, – улыбаюсь, отметив удивление на его лице. – Думал, я тебя кину?

Гейб пожимает плечами и, стукнув стаканчиком по моему, ухмыляется.

– Возможно.

– Ну, – я стараюсь говорить увереннее, чем чувствую себя, – вот я здесь.

Делаю большой глоток кислого пива. Здесь шумно, народу больше, чем я ожидала: девчонки в шортах и коротеньких майках, парни в шлепках. На старой двери, уложенной на двух козлах, играют в бирпонг.

Только я собираюсь спросить, откуда все эти люди, как какой-то парень без рубашки и в ковбойской шляпе, что кажется мне нелепым, кладет руку на плечо Гейба.

– Архангел Гавриил, – произносит он нараспев, как диджей на радиостанции. – Кто тут у тебя?

– Архангел Гавриил, серьезно? – фыркаю я и протягиваю руку. – Это... просто нечто.

– Самое смешное, что он на это откликается, – доброжелательно продолжает парень. – Я Райан, это мое пристанище. Идем, ребятки, там есть еда.

– Есть еда, – иронизирует Гейб, словно мы никак не можем отказаться от такого предложения, поэтому идем за Райаном к грилю. Все мероприятие проходит подозрительно весело, через двор протянуты гирлянды, и с каждым дуновением ветерка доносится слабый запах травки. Гейб вкладывает руку в мою, чтобы я не потерялась, пока мы протискиваемся сквозь толпу, и я стараюсь не вздрогнуть от контакта. Его ладонь теплая и сухая.

Я ошибалась, полагая, что в Стар-Лейк не с кем знакомиться. Ребята здесь чуть постарше; когда я была в девятом классе, они учились в выпускном и разъехались по колледжам, когда «Дрейфующая» ударила по школе, словно ураган. Мы с Гейбом переспали, когда я была в десятом классе, летом он уехал в Нотр-Дам, и весь одиннадцатый класс я провела с Патриком, настолько сильно стараясь притворяться, что между мной и его братом ничего не было, что иногда забывала, что это произошло.

Кажется, здесь все знают Гейба, его зовут с разных сторон, все хотят заполучить его внимание. Он ведет меня сквозь толпу, положив руку на поясницу, и знакомит с длинноволосым парнем, изучающим в университете штата Пенсильвания садоводство, и девушкой по имени Келси с огромными тоннелями в ушах, которая работает в городе в модном сувенирном магазине.

– Что будешь изучать? – спрашивает она, когда узнает, что я в конце лета еду в Бостон.

Я собираюсь объяснить ей, что пока не знаю, но Гейб по-дружески ударяет меня по руке и показывает, как Райан и парень, которого вроде бы зовут Стив, плещутся в озере, словно пара лунатиков.

– Что скажешь, Молли Барлоу? – спрашивает он, выгнув брови. Кажется, он выпил пива на пару банок больше меня. И сейчас похож на озорника. – Не хочешь присоединиться?

– Эм, нет, – отвечаю я, усмехнувшись. Даже если бы был хоть малейший шанс, что я стану щеголять в купальнике перед кучей незнакомцев в нынешнем состоянии, то я его не взяла. – Я пас, спасибо.

Гейб кивает.

– Уверена? – поддразнивает он и подходит ближе. – Может, тебе просто надо помочь?

Исключено.

– Даже не думай, – выдавливаю я и отступаю, хохотнув. Давно со мной никто не флиртовал.

– Прости, что такое? – спрашивает Гейб. – Я тебя не слышу. Кажется, ты попросила поднять тебя и сбросить с пирса.

– Я тебя убью, – предупреждаю я, но в этот момент Келси говорит: «О-оу!», и Гейб приступает – подхватывает меня и перекидывает через плечо, будто я ничего не вешу. – Тебя ждет насильственная смерть! – обещаю я, но правда в

том, что я едва могу говорить, так сильно смеюсь. Я чувствую запах дыма от костра и чистого хлопка от футболки Гейба, когда он идет к пирсу. Стив и Райан улюлюкают в озере, кто-то хлопает в ладоши. Я уверена, что все смотрят на нас. Странно то, что мне все равно. – И много боли!

– Прости, что? – спрашивает Гейб. – Я все еще тебя не слышу.

– Молотком! – заявляю я, колотя его по спине. Мне кажется, он этого не сделает, но все равно собираюсь шлепнуть его по заднице, когда он резко останавливается и ставит меня на ноги.

– Тебя напугал молоток, да? – говорю я, задыхаясь из-за смеха, волосы превратились в беспорядок и свисают на лицо. Но когда я поднимаю голову, чтобы посмотреть на него, Гейб не смеется. Слежу за его взглядом и в этот момент замечаю, что в свете костра за нами наблюдает Тесс. Оранжевые искры взлетают в воздух.

И рядом с ней Патрик – мой Патрик.

Мы просто целую минуту смотрим друг на друга, разделенные песчаным, поросшим кустарниками расстоянием, его серые глаза сосредоточены на моих. Он стал выше с тех пор, как я видела его в последний раз. На щеке ярко-фиолетовый синяк. Я открываю рот и снова закрываю, чувствуя себя так, будто оставила свое сердце где-то там, на обочине дороги, истекающее кровью и бьющееся. Грудь словно сжимается в огромный кулак.

Патрик переводит взгляд с меня на Гейба, затем обратно и слегка качает головой.

– Вы сейчас надо мной прикалываетесь? – спрашивает он. Выражение его лица до того, как он отворачивается, как бы говорит, что он увидел что-то отвратительное, например, разлагающийся труп или лужу блевотины.

Или меня.

Желание смыться оживает, точно какое-то взбесившееся животное кусает меня за пятки. Я как можно быстрее добираюсь до машины, стараясь не переходить

на бег и не привлекать к себе еще больше внимания. Но в процессе подворачиваю лодыжку и спотыкаюсь, кое-как удерживая равновесие. Мне хочется лишь убраться отсюда и больше ни с кем не разговаривать. В какой-то момент вспоминаю, что была в толстовке; не знаю, что с ней произошло. Снова и снова нажимаю на кнопку открытия дверей, и в этот момент меня догоняет Гейб.

– Молли, – говорит он, хватая за руку и разворачивает к себе лицом. Он очень взволнован. – Эй, подожди.

– Ты прикалываешься? – смотрю на него, разинув рот и неосознанно повторяя слова его брата – поверить не могу в то, что сейчас здесь произошло. Как можно было так беспечно попасться в ловушку? Чувствую себя идиоткой. Чувствую себя той, кем меня, вероятно, называют. Грязной шлюхой. – Ты думаешь, что я останусь здесь еще хоть на секунду?

Гейб делает шаг назад, точно подозревает, что я сейчас вырву ему горло.

– Хорошо, – говорит он, вскинув обе руки в знак капитуляции. – Это было плохо. Но послушай меня секундочку, ладно?

– Угу, – выдавливаю я, тяжело дыша. Неровный край ключей впивается в ладонь. – Это все как-то подозрительно. Ты знал, что он здесь, явно это знал, и просто... ты подставил меня, Гейб. Я не понимаю, почему...

– Я тебя не подставлял, – говорит он, качая головой. Кажется, ему обидно, что я так о нем думаю. – Молли, эй, прекрати, это же я. Я бы так не поступил. Я знал, что он дома, но не думал, что покажется здесь. И я знал, что если скажу тебе, то ты вообще не выйдешь.

– Ты прав, – отрешенно говорю ему. – Не вышла бы.

– Но я этого хотел.

– Потому соврал? – Что-то здесь определенно не так. Я вдруг вспоминаю, что Патрик все время на это жаловался – что Гейб представляет из себя самого милого парня на свете, пока получает, что хочет. И мне не нравится, что это затронуло меня. – Ты хотел, чтобы я пришла, поэтому соврал?

Лоб Гейба морщится.

– Я не врал, – спорит он. – Клянусь, я собирался сказать тебе в конце вечера. Просто... Мы хорошо проводили время, ты хорошо проводила время, и я знал...

– Да. – Я перебиваю его и обхватываю себя руками, в данный момент чуть больше беспокоясь из-за отсутствия толстовки, так как ощущаю себя до смешного обнаженной. – Какое-то ерундовое оправдание, Гейб.

Парень выдыхает и трет шею сзади.

– Ты права, – говорит он через минуту. Сквозь деревья до нас доносятся шум вечеринки, смех. – Ладно. Ты права. Я облажался. Мне очень жаль. Было глупо с моей стороны. Слушай, почему бы нам не свалить отсюда, не попить кофе? Я даже не знаю, что сейчас открыто, но позволь мне загладить свою вину.

Я качаю головой, обнимая себя чуть сильнее. Продолжаю представлять отразившееся на лице Патрика отвращение.

– Я просто хочу уехать, – тихо говорю ему. – С меня хватит на сегодня, ясно?

Гейб снова выдыхает, но не спорит.

– Напиши, когда будешь дома, – вот и все его слова. А я не говорю ему, что без понятия, где вообще находится это место.

День 13

Я пополняю свой запас лакричных конфет и, благодаря документальному фильму Кена Бернса про Гражданскую войну, весь следующий день познаю подробности похода генерала Шермана к морю, одетая в спортивные штаны и кофту с длинным рукавом, хотя на улице двадцать градусов. Я даже добираюсь до 1864 года и только потом выхожу пописать. До отъезда в Бристоль я никогда не увлекалась документальными фильмами, но моя соседка по комнате, напоминающая хорька брюнетка по имени Карла, которая развесила вокруг

своей кровати простынь, чтобы скрыть, чем занимается, на удивление щедро поделилась своим паролем на Netflix. Вероятно, она думала, это убережет меня от какого-нибудь безумия типа завести с ней разговор. Тогда я начала прокладывать свой путь сквозь хор убаюкивающих, в основном британских, рассказчиков, излагающих тонкости различных пугающих и странных событий, как природных, так и нет: Аляскинский пограничный рубеж, Стив Джобс, Арийское братство. Знание немного напоминало силу. Казалось способом сохранить контроль.

Сегодня я жду удаляющегося по гравии шороха шин маминной машины и только потом крадусь вниз за тостом с авокадо. После приезда сюда я питалась в основном кукурузным сиропом и сладким. Чувствую, как на щеке расцветает прыщ. Вожусь с модной кофеваркой и смотрю в окно на двор, пока она плюется на гранитную стойку. Оскар шумно вздыхает, лежа на черно-белом плиточном полу. Бывало, когда я находилась не в духе, Патрик рассказывал дурацкие шутки, пока я не приходила в себя. «Что сказал бизон, когда подвез своего ребенка в школу?» («Пока, сын»[1 - Игра слов: Bye, son и Bison (бизон).]) и «Зеленое и с колесиками?» («Трава, я соврал про колесиики»).

Вспоминаю его лицо, когда он впервые меня поцеловал. Вспоминаю его лицо, когда он увидел меня прошлым вечером. Беру кофе и тост, забираюсь под одеяло в обнимку с ноутбуком и стараюсь вообще ни о чем не думать.

День 14

Не уверена, работает ли Патрик после своего возвращения в Стар-Лейк в магазине, но не могу выкинуть из головы мысль, что должна его увидеть. Поэтому на следующий день обнаруживаю его за древней кассой, как и два года назад, оформляющего три больших пирога с дополнительной порцией сыра для дамы среднего возраста.

«Пиццерия Доннелли» втиснулась между грязной прачечной и обувным магазином на главной улице и находится там, сколько я себя помню: Конни и Чак влюбились еще в школе и открыли магазин через год после свадьбы. Чак всегда мечтал владеть пиццерией, а Конни, ее девичья фамилия – Чиаволелла, научила его готовить. Здание довольно неухоженное, большое зеркальное окно

красуется витиеватыми желтыми буквами, а крыша – непрокрашенной деревянной черепицей. На стене возле туалетов висит, вероятно, единственный в штате Нью-Йорк работающий таксофон. Все столы укрыты красно-белыми прорезиненными скатертями. Стены украшают фотоколлажи спортивных команд из школьной газеты.

Патрик замечает меня не сразу. Он склонился над кассой, и волнистые волосы падают ему на глаза. Когда мы были в первом и втором классах, девчонки все время пытались до них дотронуться. Патрика это бесило.

Я смотрю на него секунду. Если не считать вчерашнюю вечеринку, после той статьи в «Пипл» мы ни разу не оказывались в одном месте. Это Джулия показала ему статью – она любит все, связанное со знаменитостями, по крайней мере, любила. Она оформила подписку на «Пипл», «Ю-эс Уикли» и «Лайф&Стайл» и придерживалась строгих убеждений касательно достоверности информации. Тем утром я проснулась под четырнадцать пропущенных от нее, а еще серию сообщений, приправленных таким количеством неверия, злости и многочисленных «какого черта», что пришлось перечитать их дважды, чтобы понять, какого черта произошло.

А произошло то, что меня наконец-то поймали.

Позже тем днем показался Патрик с выдернутой из журнала Джулии страницей с неровными и рваными краями. Посреди фотографии моей мамы в ее кабинете пролежала складка, прямо по центру ее лица.

– Это правда? – тихим голосом спросил меня Патрик. «Бронко» работал на холостых на подъездной дорожке у нашего дома. Шел дождь, холодная изморось. Выхлопная труба выпускала дым в сырой серый воздух.

– Так, – ответила я дрожащим голосом, подняв руки, чтобы успокоить его. Я видела статью утром и весь день пряталась в комнате. Знала, что грядет. Мне стоило первой к нему прийти и столкнуться с неизбежным. Но я вместо этого струсилась и заставила его прийти ко мне. – Так, мы можем просто...

– Молс. – Патрик выглядел растерзанным, словно внутри него взорвался снаряд со шрапнелью. Как человек, вернувшийся домой и обнаруживший на его месте кратер. – Я спросил, это правда? Ты... – Он растерянно потряс темными

волнистыми волосами. – В смысле, с моим братом?

– Ты должен меня выслушать, – сказала я вместо ответа. – Выслушаешь?

– Я слушаю. – Голос Патрика уже опасно равнодушный, словно где-то в глубине души он знал, что последует, и хотел к этому подготовиться. Его глаза стали цвета стали. – Да или нет, Молс?

– Патрик, – сказала я и даже не смогла ему ответить. – Пожалуйста.

Тогда Патрик отступил на шаг, будто я ударила его. На его ресницах и волосах собирались капли дождя.

– Ладно, – медленно сказал он, а потом быстро рявкнул: – Мне нужно... да. Мне нужно свалить отсюда.

– Патрик, – снова сказала я и, схватив его за руку, попыталась остановить, но он стряхнул ее и быстро залез в машину, нажал на газ и сорвался с места, как человек, который не собирался так надолго задерживаться. Я стояла на лужайке под дождем и смотрела, как он исчезал вдаль. Мое сердце и история унеслись прочь.

Теперь я жду, задержав дыхание, когда он увидит меня, и ищу на полках под стойкой лакричные конфеты. Конни специально заказывала их, потому что знала о моей одержимости, но их нет в том месте, где они раньше лежали, – между желейными конфетами и батончиками «Марс». Я изучаю взглядом, что же еще здесь изменилось, и в тот момент, когда дама забирает коробку с пиццей и уходит, остаемся лишь мы вдвоем, я и Патрик. Мы смотрим друг на друга, словно находимся на противоположных сторонах озера.

– Привет, – хрипло говорю я, будто не разговаривала с самой вечеринки. – Слышал какие-нибудь слухи?

Патрик не улыбается, просто качает головой и тянется под стойку за новым мотком кассовой ленты. Он вообще не разговаривал со мной после выхода статьи, даже не приближался, и именно ужасающее одиночество после его потери сподвигло меня сбежать в Бристоль, а не грубость других людей.

– Чего тебе, Молли? – спрашивает он, открывает аппарат и вставляет ленту. Синяк под глазом почти исчез, стал желтовато-зеленым.

– Что случилось? – спрашиваю я вместо ответа, засовываю руки в карманы шортов и делаю полшага вперед.

Патрик пожимает плечами, закончив возиться с лентой, захлопывает крышку и отрывает разноцветный кончик.

– Ударил кое-кого, – безэмоционально произносит он. – А потом получил в ответ.

Меня это удивляет: Патрик ни разу в жизни не ввязывался в драки. Конни и Чак постоянно твердили о разрешении конфликтов без применения насилия. И заставляли нас решать споры, используя куколки ручной работы.

– Ты поэтому вернулся домой? – спрашиваю я.

– Ага, – отвечает Патрик без пояснений, – поэтому.

– Понятно. – Киваю и задаюсь вопросом, кем же он теперь стал, раз бросает то, о чем так долго мечтал, словно это какой-то пустяк. Интересно, это я его таким сделала? – Слушай, Патрик. Я просто... между мной и Гейбом ничего нет, ясно? Я лишь хотела, чтобы ты это знал. Я вернулась домой на лето, влачила жалкое существование, и он пригласил меня на эту вечеринку, но это не... Мы не...

Замолкаю, не зная, как продолжить. Когда нам было двенадцать и тринадцать, Патрик всегда говорил о серьезном, сидя спиной к спине, будто легче, когда не смотришь друг на друга. Интересно, что случилось бы, попроси я о таком сейчас.

Но он поднимает руку, чтобы остановить меня.

– Слушай, Молс, – говорит он, в точности повторяя мой тон. Это прозвище он дал мне еще в детстве, в садике, так же меня называл его папа. – Дело вот в чем: можешь развратничать с моим братом хоть каждый день, если хочешь. Мне все равно.

Отступаю, будто в этот раз меня ударил Патрик и завтра утром я проснусь с заплывшими глазами. Все тело колет, и меня бросает в пот. Патрик спокоен, как удав, и переключается на вошедшую молодую семью с таким натренированным безразличием, словно я его вообще не прерывала. Словно меня вообще здесь не было.

День 15

– Уже закончила на сегодня? – спрашивает Пенн в конце рабочего дня. Дети бредут вслед за ней по коридору для сотрудников к выходу, ведущему на боковую парковку. Фабиан дважды в неделю и днем в субботу занимается каратэ и шагает по линолеуму в безупречно белом кимоно. Дези тихо следует за ним, крошечная ручка вложена в мамину.

– Все сделано, – говорю ей, набирая комбинацию цифр на шкафчике – одном из тех, что установлены в коридоре. Они небольшие, как в спортзалах и на катках, туда влезают моя холщовая сумка и экстренный запас лакричных конфет, и больше ничего.

– Есть успехи с телевизорами?

– Пока нет, – качаю головой, – но я над этим работаю. О, еще, помните, что у вас завтра встреча с тем парнем из... – Внезапно замолкаю и смотрю на содержимое шкафчика. Влезает сумка и больше ничего, да... и это «больше ничего» в данный момент – длинная полоска из десятка презервативов, которые я точно не могла сюда положить.

Пенн останавливается в нескольких шагах от меня и вопросительно смотрит.

– Встреча с тем парнем из... – напоминает она.

– О! Эм, – говорю я, засовывая презервативы в сумочку, затем достаю ее, молясь, чтобы Пенн – или, не дай бог, дети – не увидела их мельком. Смотрю на щели на дверце: они достаточно широкие, чтобы просунуть в них пакетик из фольги. – Со стеклышком, насчет разбитых окон на втором этаже. Вчера днем я

подтвердила встречу.

– Умница, – говорит Пенн, все еще с сомнением глядя на меня. А потом: – Ты идешь?

– Ага, – выдавливаю я. Фабиан наваливается на дверь, солнечный свет заливает коридор. – Идем.

Я машу на прощание Пенн и детям и иду к машине. Она прячется под сосной, под которой я оставила ее утром, только теперь на ее боку красуется длинная рваная царапина.

Кто-то хорошенько прочертил ключом по водительской двери, оставив глубокую белую борозду. Точнее, не кто-то.

Это все Джулия.

– Черт побери, – громко говорю и так сильно ударяю ладонью по окну, что загружающиеся в похожую на космический корабль машину Пенн и дети тревожно вскидывают головы.

– Ты выругалась, – довольно кричит с заднего сиденья Фабиан, размахивая ногами в кроссовках. Пенн нажимает на пульт и запирает детей внутри.

– Потеряла ключи? – кричит она и идет через парковку в мою сторону. – Молли?

– Нет, просто... – пристыженно и смущенно качаю головой. Не хочу, чтобы она подходила ближе. Мне претит мысль, что Пенн это увидит, словно по куче презервативов и царапине на машине сможет узнать всю грязную историю.

В итоге, скорее всего, именно выражение моего лица, а не царапина выдает меня.

– Ого, – говорит Пенн, переводя взгляд с меня на нее и обратно. – Молли. Ты знаешь, кто это сделал?

Я вдруг думаю о руках Джулии, об узловатых костяшках, которые она ненавидит, и о неоновом маникюре, ярко-розовом или ярко-желтом. Ей нравилось красить мои ногти. Помню повисший в воздухе ее комнаты химический запах лака – тогда в доме Доннелли еще действовало правило, что я могу ночевать у них, если сплю с Джулией. Мы вдвоем ложились валетом, и ее ледяные лодыжки касались моей руки.

– О господи, этого матраса мало для нас обеих, – пожаловалась она однажды ночью, когда перекатилась на бок и треснулась локтем о тумбочку. Бутылочки с лаком протестующе загремели. Джулия выругалась.

– Я предлагала сходить за спальником! – оправдалась я.

Джулия демонстративно вздохнула.

– Нет, все в порядке, – сказала она, а потом состроила рожицу, давая мне понять, что вовсе не злится. – Давай быстрее выходи за моего брата, чтобы толкать его, хорошо?

Я выгнула брови, удивившись таким словам. Мы с Патриком даже не обсуждали это. Вероятно, оба слишком боялись.

– О, так вот каков план? – поддразнила я.

– Таков план, – подтвердила Джулия и вытянула руки над головой, коснувшись пальцами изголовья. – Вы подарите мне миллион племянниц и племянников и шокируете всех рассказом о том, что познакомились еще в утробе, и это будет одновременно и тошнотворно, и мило. Конец.

Я фыркнула.

– Что? – Джулия приподнялась на локтях и уставилась на меня в темноте, ее голос стал подозрительно серьезным. – Ты думаешь, этого не случится?

Джулия была забавной. Отчасти взрывоопасная, отчасти – безнадежный романтик, но до этого момента я не думала, что она говорит всерьез. Конечно, я размышляла о долгосрочных отношениях с Патриком. Мы уже долго

встречались.

– Нет, я этого не говорила, просто...

– Расслабься, чудачка, – улыбнулась Джулия, плюхнулась обратно на подушки и накинула одеяло на плечи. Ее волосы, точно сине-черный шторм, рассыпались по матрасу. – У меня нет для вас жуткой папки с вырезками из свадебных журналов. Просто я рада, что ты есть у Патрика, вот и все. Я рада, что вы есть друг у друга.

Я подумала о поцелуе на ночь за ушком, который подарил мне Патрик несколько минут назад. О том, что он дышит по другую сторону стены. Прошел почти год после смерти Чака, и их желание держать все в себе почти сошло на нет.

– Я тоже рада, что мы есть друг у друга, – сказала я.

– Отлично. – Она похлопала меня по голени через одеяло. – Только постарайся не разбудить меня, когда будешь выбираться из комнаты.

– Ох, ужас! – Я хихикала, и Джулия тоже; последним, что я запомнила перед тем, как заснуть, был ее смех.

– Молли? – Пенн все еще с любопытством наблюдает за мной, будто знает, что здесь замешано нечто большее. – Эй. Ты в порядке?

Я уверенно киваю – впервые солгала ей. Но вижу, что она не купилась.

– Это всего лишь случайность, – говорю я, смаргивая щипание в глазах и носу. – Некого винить, кроме себя.

День 16

Следующим утром, на обратном пути с пробежки, захожу во «Френч Роуст» – неловко это или нет, но мне нужно с кем-то обсудить, что здесь происходит. И

Имоджен, пожалуй, единственная во всем Стар-Лейк, кто не аплодировала тайком Джулии за ее издевательства. Я полностью намерена сдаться ей на милость, но, когда врываюсь в кофейню, она отдыхает за одним из длинных деревянных столов, сидя напротив Тесс и разложив на столе карты Таро в форме кельтского креста.

Первый порыв – развернуться и выйти, кожа нагревается под футболкой. Я не видела Тесс с той вечеринки, с которой сбежала так быстро, будто мои волосы пылали. Наши смены практически не пересекаются и не будут до открытия гостиницы, а когда я замечала утром ее имя в расписании, то весь день пряталась в кабинете, точно политический диссидент в посольстве, ищущий убежища. Хуже встречи взглядами с Патриком была только возможность увидеть его с новой девушкой. Тесс – живое, дышащее доказательство того, что я не могу починить сломанное.

– Привет, Молли, – кричит Тесс прежде, чем я успеваю сбежать. Очевидно, ее манеры куда лучше моих. На ней большие очки в пятнистой оправе, и она ковыряет фруктовый салат, глядя на карты, которые переворачивает Имоджен.

Та виновато поднимает голову при моем приближении и машет. Помню, как она сказала: «Я теперь особо этим не занимаюсь». Она имела в виду, что не занимается этим для меня.

– Привет, девочки.

Жалко улыбаюсь, смотрю на выложенные на столе старшие арканы – справедливость и суд, умеренность и сила – и гадаю, на какой вопрос Тесс получила ответ, есть ли то, в чем она не уверена. Интересно, какие у них с Патриком отношения, рассказывает ли он ей дурацкие шутки, когда она тревожится. Укладывает ли он ее спать, когда ей снится плохой сон. Ощущаю знакомую боль в груди, словно мышца, которая зажила неправильно, снова порвалась. Он двинулся дальше, молча напоминая я себе. Все двинулись дальше.

Кроме меня.

У Патрика теперь новая девушка. У Имоджен новая лучшая подруга. Бристоль должен был стать великим новым стартом, но реальность такова, что там я тоже

была привидением. Я затаилась. Делала домашнее задание. Была замкнута. Я считала проведенное в частной школе время тюремным заключением, и по большей части оно мне подходило.

Но сейчас, проведя дома две недели, я понимаю, что все еще отбываю срок.

– Могу после этого и тебе разложить, – предлагает Имоджен, перевернув четверку кубков и положив ее на стол. Вероятно, это оливковая ветвь, но я слишком истощена и обижена, чтобы взять ее. Качаю головой и поднимаю кошелек. С опозданием понимаю, что ничего не расскажу ей про Джулию. Мне здесь совершенно не с кем поговорить.

– Мне пора бежать, – говорю ей, желая снять нас обеих с крючка – я потеряла ее, была беспечна, как и потеряла все, что у меня было. Тут и карты не нужны, чтобы это понять. Я уже осознаю, что я – дура.

День 17

На следующий день Гейб приходит в гостиницу с двумя стаканами кофе и моей толстовкой, оставленной на вечеринке.

– Держи, Золушка, – говорит он. Фабиан, убежавший в кабинет Пенн, чтобы радостно объявить о приходе ко мне парня, в открытую подглядывает за нами из-за обитого парчой дивана в лобби.

– Золушка потеряла туфельку, – сообщаю Гейбу, разворачиваю Фабиана за плечи и отправляю его найти сестру, подтолкнув между лопаток. – А не грязную толстовку для бега, полученную в девятом классе.

Гейб улыбается.

– Спасибо, но я знаком со сказкой.

– Спасибо тебе, – исправляю я, – что забрал ее и все такое.

Занимаю себя пластиковой крышкой на стакане, дольше нужного возвращая ее на место. Знаю, нет никаких причин смущаться Гейба – если я шлюха, то и он тоже, верно? – но вся жизненная сила, сподвигшая меня согласиться прийти на вечеринку, как будто стерлась под напором произошедшего за последние дни. Во мне словно совсем не осталось сил бороться. Думаю, никто не подкидывал презервативы в шкафчик Гейба.

– Эй, ты чего? – Гейб, точно прочитав мои мысли, делает шаг ко мне и наклоняется, чтобы поймать взгляд. – Мы в одной лодке, помнишь? Ты и я. – Он трет шею и качает головой. – Слушай, знаю, тебя завалило дерьмом, когда все стало известно, и мне стоило сказать все намного раньше. Отстойно, что я этого не сделал. Но ты и я этим летом и в любое время – мы в одной лодке.

Я улыбаюсь, сама того не желая, и довольно краснею. Пытаюсь вспомнить, когда в последний раз кто-то находился со мной в одной лодке, но не получается. Возможно, на треке.

– Правда? – поддразниваю я, губы кривятся. – Партнеры в стыде и унижении?

– Именно. – Гейб легко смеется. Не могу понять, то ли с него всякая беда, как с гуся вода, то ли он родился политиком, мастером закручивания сюжета и пиара. Патрик никогда таким не был: все его чувства всегда отражаются на лице, как знак на трассе, никаких секретов. Это мне нравится в нем больше всего, точнее, нравилось.

– Слушай, – говорит Гейб, устроившись на краю дивана, словно тусуется здесь каждый день. – Будучи грязными испорченными подлецами, как насчет сбежать отсюда? Куда-нибудь прокатиться?

– Гейб. – Качаю головой, хотя все еще улыбаюсь ему, и эта улыбка мне все больше кажется не просто дружеской. Сейчас мне хочется сказать «да», равно как и отказаться. – Я работаю.

Гейб выгибает брови.

– Иногда же надо делать перерыв, верно?

– Я... да. – Менее, чем через час, но все не так просто. Не может все быть так просто, вот и все. – Твоя семья меня ненавидит, – напоминаю ему. – Если мы оказываемся друг к другу ближе, чем на пятьдесят шагов, – это катастрофа. Думаю, весь Стар-Лейк совершенно не против того, чтобы я оставалась в своей комнате и все лето смотрела документальные фильмы. В смысле, я жду не дождусь фильма про фермеров, выращивающих огромные тыквы ради денежных призов, поэтому...

– Так что? – Гейб терпеливо смотрит на меня, как человек, готовый подождать. В лобби тихо, солнце льется в недавно протертые французские двери в дальнем конце, на полке высокого камина вновь расставлены пышные растения. – Что думаешь?

Я громко выдыхаю вместо ответа.

– Почему?

Гейб смеется.

– Потому что ты мне нравишься. Ты всегда мне нравилась, а теперь ты – социальный изгой, значит, свободна.

Я фыркаю.

– Это грубо, – ругаюсь я, игнорируя комплимент. Игнорируя «всегда» и все, что это может означать. – А что случилось с «мы в одной лодке»?

– Я тоже социальный изгой! – сразу восклицает Гейб, что звучит абсурдно, но и почему-то подкупающе. Он широко и довольно улыбается, когда я начинаю хохотать. – Идем, – говорит он, словно чувствует, что я сдалась. – Никто не увидит, можешь пригнуться на сиденье, пока не доберемся до шоссе. Замаскируйся.

– Очками с приделанным носом, – предлагаю я, качаю головой и улыбаюсь. К черту все, говорит тихий голос в моей голове – тот же голос, что, возможно, посоветовал сходить на вечеринку. В этом городе почти все меня ненавидят или относятся ко мне с равнодушием. Все, кроме... – Гейб.

– Молли, – говорит он, в точности повторяя мой тон, – доверься мне.

И... я доверяюсь.

Мы едем час до Мартинвейла с открытыми окнами, впуская внутрь ветер; ощущение избавления от старого бодрит.

– Значит биология, да? – спрашиваю его, тянусь через центральную консоль и коротким ногтем щелкаю по брелочку Нотр-Дама, болтающемуся из зажигания. Я думала, поездка получится напряженной или полной неловкости. Но все отлично. – Кем будешь, безумным ученым или вроде того?

– Ага, именно. – Гейб отпускает руль и разводит руки, словно монстр Франкенштейна, его теплое плечо при этом натывается на мое. – Буду заниматься секс-роботами. И секретными экспериментами над ящерицами. – А потом продолжает, пока я смеюсь: – Нет. Я посещаю подготовительные медицинские курсы.

– Серьезно? – Это почему-то меня удивляет. Я всегда считала Джулию мозгом семьи Доннелли. У Гейба имелся характер. У Патрика душа. – Курсы какого рода?

– Кардиологические, – тут же отвечает он, затем выдыхает и качает головой. – Наверное, причина немного банальна и очевидна, да? «Дамы и господа, отец этого пацана умер от сердечного приступа, посмотрите, как он работает над своими проблемами самым очевидным в мире способом».

Никогда не слышала, чтобы Гейб говорил о папе. Не знаю, почему-то считала смерть Чака скорее потерей Патрика, чем кого-либо другого. Наверное, потому, что больше чувствовала ее от него, потому что Патрик был моим любимым Доннелли, и где-то глубоко в подсознании я считала его и любимчиком Чака. Вот что было самым замечательным в Чаке, вот почему на его похороны пришли шестьсот человек: все считали себя его любимчиками. Вот таким он был человеком.

– Не самым очевидным, – говорю я Гейбу, склонив голову, чтобы посмотреть на него. Солнце отбрасывает пятна на кожу его щек и лба. Его нос очень прямой. – Самым очевидным было бы присоединиться к группе.

Он смеется.

– Это верно, – признает он и включает поворотник, чтобы свернуть с дороги. – Нет ничего хуже.

Мы обедаем в бургерной быстрого обслуживания не так далеко от выезда – в пакетиках из вощеной бумаги полно картошки фри, а в высокие пластиковые стаканы налит чай со льдом. Пока ем, меня одолевает застенчивость, когда я смотрю на широкие белые бедра, торчащие из-под шорт. Бегаю я или нет, но бекон в бургере, возможно, никак не способствует похудению.

– Какие новости? – спрашивает Гейб, подтолкнув меня в плечо – так говорила его мама, имея в виду: о чем думаешь? Качаю головой и сминаю пакетик от картошки в маленький шарик.

– Твоя сестра поцарапала мою машину ключом, – признаюсь я.

Гейб смотрит на меня, открыв рот.

– Подожди, что? – спрашивает он, голубые глаза становятся огромными. Мы сидим на открытом багажнике его машины, ноги болтаются над бампером, но он вдруг соскакивает. – Господи, Молли. Когда?

– На работе, – бормочу я, снова опуская взгляд на колени и прячась за занавесом длинных волнистых волос. Я никому не рассказывала об этом и, признавшись Гейбу, словно сорвала пластырь: чувствую себя хорошо и одновременно крайне отвратительно. Не понимаю, как стала таким человеком, одной из тех девчонок, что вечно купаются в драме. Человеком, романтический мусор которого в буквальном смысле переполняет целую книгу. Два года назад разобраться в себе мне помогал Патрик. Теперь приходится делать это самой.

И Гейб здесь совсем не помощник: когда я выглядываю из-за водопада своих волос, на его лице отражается злость, но она точно направлена не на меня.

– Слушай, – говорит он, – я с ней разберусь, хорошо? Это же... это реальное дерьмо. Джулии иногда все сходит с рук. И я в последнее время пытался не давить на нее из-за... – Гейб замолкает и качает головой. – Неважно. Я с ней

разберусь.

– Нет, нет, нет, – протестую я, тоже спрыгивая с багажника. Господи, станет только хуже, если в это ввяжется Гейб. Наверное, это логично, а может, и нет, но с тем, что происходит между мной и Джулией – между мной и Патриком, между мной и Гейбом, надо справиться мне самой. – Все в порядке, – вру я, желая этого ради нашего же блага. Тянусь и касаюсь его теплой руки под локтем. – Правда, не надо. Я с этим разберусь.

Гейб закатывает глаза, но не спорит. Мне это нравится – что он, кажется, доверился мне. Что не пытается убедить, будто ему лучше знать. Я прослеживаю за его взглядом до деревьев; он припарковал машину багажником к лесу, к широкому пространству непрерывной зелени. Я уже забыла, как скучала по этому, находясь в Темпе.

– Ладно, – говорит он, отводит руку назад и, прикоснувшись к моей и сжав ее, отпускает. Моя рука гудит до самого сгиба, как будто я ударилась локтевой костью. – Но я... Я знаю, что с момента возвращения сюда твоя жизнь стала сплошным балаганом. И понимаю, что это во многом моя вина.

Я качаю головой и готовлюсь не согласиться.

– Все не так...

Гейб кривится.

– Так и есть, – говорит он.

Я на мгновение вспоминаю, как его теплый рот касался моего. И понимаю, что с Гейбом чувствую себя в безопасности, словно его универсал – машина для бегства, и мы ночью отправимся к границе. Довольно заманчивая идея.

– Хорошо, – наконец соглашаюсь я. – Так и есть.

– В одной лодке, помнишь? – Гейб пожимает плечами, солнце играет на более светлых, каштаново-янтарных, прядях его волос. Он садится на багажник «Вольво», снимает несколько волосинок собачьей шерсти и бросает их на

землю. – Я не сделаю ничего, что тебе не по душе, это твое родео, но... в одной лодке.

– Мое родео? – Я сажусь рядом, упираюсь на руки за спиной и поворачиваюсь к нему. – Хорошо.

– Хорошо, – повторяет Гейб. Затем тоже отводит руки за спину. Его мизинец касается моего. Я оглядываюсь и смотрю на наши соседствующие руки, мои обкусанные кутикулы и светлые волоски на его запястьях. Представляю, что он повзрослел и окончил медицинские курсы, и вот на операционном столе лежат пациенты, и он засовывает руку в их грудные клетки и чинит их разбитые сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Игра слов: Bye, son и Bison (бизон).

Купить: https://tellnovel.com/ru/kotun-o_keti/99-dney

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)